УДК: 340.141(470.661) DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-1-32-38

ПРАВОВОЙ СТАТУС «ІУЛТЕШ» В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ЧЕЧЕНЦЕВ

Хабаев Ибрагим Дагаевич старший преподаватель кафедры правовых дисциплин, Чеченский государственный педагогический университет (364029, Россия, г. Грозный, ул. Воздвиженская, 86). E-mail: ibragim_habaev@mail.ru

Аннотация

В данной публикации рассматривается правовой статус патрона пастухов, обозначаемый в обычном праве чеченцев термином «Іултеш», обнаруженным сотрудниками Научно-образовательного центра нахских исследований ЧГПУ во время сбора полевых материалов у жителей с. Башан-кали Итум-Калинского района Чеченской Республики. Автор, анализируя собранный материал, пришел к выводу о том, что этим социальным и правовым термином жители Галанчожского, Шатойского, Шаройского и Итум-Калинского районов Чеченской Республики обозначали выборную и оплачиваемую должность пастушьего патрона.

Ключевые слова: *чеченцы, обычное право, совет старейшин, адаты, выборы, тамада, патрон, пастух, договор найма, правовая терминология.*

Большинство российских и зарубежных специалистов, занимающихся исследованиями в области обычного права, как системы правовых норм, регулирующих общественные отношения, считают, что «обычное право чеченцев – это уникальное явление в мировой правовой культуре, которое нуждается в углубленном изучении и широком освещении не только в России, но и за ее пределами» [1, с. 11].

Действительно, обычное право чеченцев как система общепринятых и общеобязательных к исполнению юридических норм, выработанных еще в раннем средневековье, по сей день успешно регулирует правовые отношения в чеченском обществе. Парадоксально, что эти нормы дошли до наших дней, не потеряв своей эффективности, пройдя через различные эпохи и формации. Более того, в отдельные кризисные периоды истории Чечни они доказали на практике свою действенность в деле защиты прав и свобод человека, охраны общественного спокойствия, порядка и обеспечения безопасности граждан.

Уникальность чеченских адатов состоит еще и в том, что его нормы, по своим формам и методам урегулирования уголовных, административных и гражданских дел, способны успешно конкурировать с известными правовыми системами мира. Возможно, по этой причине российские исследователи с конца XIX века и занялись интенсивным изучением права народов Северного Кавказа и, в частности, адатов чеченцев, которые, «благодаря незыблемости принципов их организации и сильному влиянию на социум», [1, с. 10] вызвали у них научный интерес.

Одним из первых ученых, занявшихся исследованием чеченских адатов, был историк права, ординарный профессор Новороссийского университета Ф.И. Леонтович, издавший в 1883 году в Одессе материалы по обычному праву Северо-Восточного Кавказа, вошедшие в отдельный 38-й том «Записок императорского Новороссийского университета».

В разделе «Адаты кавказских горцев» Федор Иванович опубликовал главу «Адаты чеченцев». Изложенные в казуистической форме, статьи кодекса, разбитые по видам преступлений, с указанием меры наказания за них, по сей день считаются хрестоматией по обычному праву чеченцев. Многие чеченоведы, исследовавшие право чеченцев, не обходят молчанием труд Ф.И. Леонтовича, который имеет большую научно-практическую значимость. Его ахиллесовой пятой, на наш взгляд, является слабое освещение правовой терминологии, отчего невольно складывается впечатление об их полном отсутствии или же несовершенстве всей системы чеченского права.

В дальнейшем свой вклад в описание обычного права чеченцев внес А.П. Берже, описавший в «Кратком обзоре горских племен на Кавказе» и «Чечня и чеченцы» его отдельные стороны. Русские историки и этнографы Фарфоровский С.В. и Иванов И. в своих статьях «Шамиль и чеченцы» и «Чечня. 1851 год, октябрь» также осветили некоторые черты адатного права чеченцев.

Весьма ценные сведения о праве чеченцев оставили нам первый чеченский этнограф и историк Умалат Лаудаев в своей работе «Чеченское племя» и русский военный писатель, генерал

М.Я. Ольшевский в статье «О происхождении, образе жизни, правах и обычаях чеченцев – наш способ ведения с ними войны».

В начале 90-х годов XX века, в связи с начавшимися общественно-политическими событиями в ЧИАССР [2, с. 11] и противостоянием на фоне этого между Москвой и Грозным, научный интерес к прошлому чеченцев актуализировался не только в нашей стране, но и во всем мире.

О причинах отсутствия в трудах вышеуказанных авторов правовой терминологии чеченцев мы можем только гадать, и поэтому на современном этапе государственно-правового развития Чеченской Республики, в контексте вышесказанного, перед учеными-правоведами республики стоит задача по реставрации ранее применявшихся в юридической практике чеченцев терминов национального права.

В этом направлении в последние годы определенную работу проводит «Научно-образовательный центр нахских исследований», созданный в 2015 г. по решению Учёного совета ЧГПУ, в рамках Программы стратегического развития ФГБОУ ВО «ЧГПУ» на 2016 – 2020 гг.

Полевые материалы, собранные сотрудниками центра и студентами различных факультетов университета, подвергаются анализу и специальной научной обработке, с целью выявления вышедших из оборота или забытых терминов обычного права чеченцев. Результаты исследований периодически появляются в печати и выносятся на суд и критику научной общественности.

В данной статье мы публикуем результаты очередного исследования по освещению ранее не встречавшегося в трудах по обычному праву чеченцев термина «Іултеш». Он был обнаружен во время сбора полевых материалов в ходе специальной экспедиции в село Башан-кали Итум-Калинского района по поиску вышедших из речевого оборота редких слов и терминов чеченцев.

По словам некоторых башанкалинцев, термином «Іултеш» или «ІултІи» в их краю обозначают лиц, не имеющих в собственности пашни – «кха» [3, с. 366], и ведущих бродячий, неопределенный образ жизни, с которыми горцы не особо желают родниться. Однако, по словам других информаторов, «Іултеш» – уважаемая в народе общественная, выборная и оплачиваемая должность по организации целого комплекса мер, связанных с выпасом сельского скота.

После более детального опроса выяснилось, что «Іултеш» – это термин, которым обозначают лицо, уполномоченное сельским сходом для поиска, найма и обустройства пастуха, а также для контроля за его деятельностью. Проще говоря, «Іултеш» – это патрон сельских пастухов, наделенный сходом граждан определенными правами и обязанностями.

Предваряя изложение его функций и полномочий, хочу пояснить, что у чеченцев особенно на позднем этапе общественного развития, статус пастуха не был престижен. Все известные традиционные патриархальные общества, а ими являются все общества доиндустриального типа, значимость индивида определяли в соответствии с его участием в общественных делах. Иными словами, она обратно пропорциональна степени его участия в делах общины (видимо, по этой причине в Древней Греции гражданина, отстранившегося от участия в общественно-политической жизни полиса, называли идиотом). В силу своих профессиональных обязанностей пастух значительную часть своей жизни проводил за пределами сельской общины, и, соответственно, степень его вовлеченности в общественную жизнь сводилась к минимуму, в чем, видимо, и заключалась основная причина ущербности профессии пастуха у чеченцев.

Однако, нужно подчеркнуть, что данный стереотип действовал только в отношении профессиональных пастухов, ведь каждый скотовладелец, при отсутствии наемного пастуха был обязан, в свою очередь, выпасать общинный скот. Поэтому отнесение первого имама Кавказа шейха Мансура (Ушурмы) к «пастухам» на основе его же свидетельских показаний, не понятно, каким образом истолкованных переводчиками, и последующее его зачисление в лагерь «обездоленной» и «неимущей» прослойки чеченского общества в общем русле советской историографии о классовой борьбе, в сравнении с уровнем сегодняшних знаний, конечно, было идеологически надуманным.

Изучение материалов полевой этнографии, собранных центром нахских исследований за последние годы, дало некоторые результаты, раскрывающие механизм организации выпаса скота у чеченцев, а также ранее не изученные аспекты процедуры найма пастухов. Их мы и постараемся изложить в своей статье.

Итак, мы установили, что процессу найма пастуха предшествовал сбор глав семейств сельской общины на «пхьоьгІа – сход, сходка, говорильня, соборная площадь» [3, с. 519]. Здесь собравшиеся выдвигали из своей среды сельчан достойных исполнять функции патрона пастухов – «Іултиеш», от чеч. «Іу» – пастух [3, с. 727] и «тиеш» – свидетель [3, с. 567].

Перед началом собрания, до выдвижения кандидатов, тамада собрания для их ознакомления с основными пунктами договора публично оглашал его условия. По древней традиции

предусматривалось участие в собрании всего мужского населения аула, что обусловливалось принципом всеобщности права, т. е. равенством всех перед законом. Вводя такую норму, законодатель, видимо, исходил из соображения, что отсутствие скота у общинника могло быть временным явлением, поэтому наличие кворума было важным условием легитимности принятых на нем решений.

Число претендентов адатом не ограничивалось, и в случае сомнения в возможности исполнения предъявляемых договором требований каждый из них имел право на самоотвод.

Прежде чем продолжить изложение процесса избрания пастушьего патрона и сопряженных с этой должностью обязанностей стоит пояснить, что необходимость найма «бежаIу» – пастуха [3, с. 126] возникала только при отсутствии у сельчан возможности самим соблюдать «рагI» – очередь [3, с. 520] по выпасу скота. Термин «рагI» в чеченском языке несет в себе двойную смысловую нагрузку, одновременно ассоциируясь как со стадом, так и с очередью. Поэтому, когда чеченец хочет пояснить, что он отогнал свою скотину в общественное стадо, выпасаемое собственниками по очереди, он скажет: «Ас сай даьхни рагIе дIа лаьхкина» – «Я отогнал свою скотину для выпаса по очереди». Если же стадо выпасает нанятый со стороны пастух, то скотовладелец выразится так: «Ас сай даьхни баже дIа лаьхкина» – «Я отогнал свою скотину в стадо», где «бажа – стадо» [3, с. 108].

Как видно, в зависимости от той или иной формы пояснения каждый интересующийся легко определит для себя наличие в селе бажа или рагI. У человека, плохо знакомого с чеченским менталитетом, вероятно, возникнет вопрос о том, какое значение имеет для чеченца та или иная форма выпаса скота в отдельно взятом сельском обществе. Однако, как бы странно это не звучало, на то были свои объективные причины, о которых мы расскажем подробно в следующей статье.

Что касается методов выпаса скота, то в первом случае в сезонном графике, составленном Iултеш и сельчанами, по установленной загодя очереди путем жеребьёвки, каждому скотовладельцу определялось число дней выпаса. По традиции патрон путем деления выпасаемого скота на общее число дней пастьбы в году вычислял количество голов, приходящихся на один день выпаса, после чего и составлялся поименный годовой график. В этом случае считалось, что все уздени уравниваются в своих правах и обязанностях, а, следовательно, не ущемлены.

Во втором случае очередность отменялась договором найма пастуха. Однако, согласно традиции, помимо уплаты скотовладельцами ежемесячной таксы за выпас, им дополнительно вменялось в обязанность ежедневное обеспечение пастуха бесплатным обедом, в порядке очередности устанавливаемой Iултеш по согласованию с нанимателями.

Таковы в частности основные черты механизма организации выпаса скота у чеченцев. А теперь рассмотрим саму процедуру избрания патрона пастухов.

По старой традиции, кандидаты, оставшиеся в предвыборной гонке, дав публичное согласие на замещение должности Iултеш, в случае их избрания, покидали пхоьгIа перед началом прений и возвращались лишь по завершении голосования и подведения итогов. Делалось это из этических соображений, во избежание негативных издержек при обсуждении выдвиженцев. Это правило, запрещающее всякие суждения о человеке в его присутствии, имеет древние корни и соблюдается чеченцами по сей день. Исключением из него может быть только участие в очной ставке во время следствия или дача показаний в адатном суде, где каждый, будучи под присягой, был обязан давать показания на подсудимого или истца. Считалось, что в этом случае чеченец не нарушал адат, так как в обоих случаях он исполнял свою священную обязанность. В контексте сказанного нужно заметить, что общинник, уличенный во лжи или отказавшийся от дачи правдивых показаний, как человек, не стремящийся к справедливости, терял доверие и навсегда лишался права быть свидетелем в суде при сделке или заключении брака, а также участвовать в выборах в качестве избираемого.

Рассмотрение кандидатур начинали с обсуждения морально-этических, физических и религиозно-нравственных качеств каждого. На этой стадии собравшиеся могли огласить все известные им сведения о выдвиженцах и выступить в пользу того или иного из них. По традиции тамада произносил следующую формулу: «Пусть каждый из вас ,кто знает о претендентах то, что не дает им право по адату занимать должность Iултиеш, сообщит нам об этом сегодня или безмолвствует впредь». Затем проходило открытое голосование, обычно завершавшееся в первом же туре, но иногда выборы проходили в несколько этапов, и побеждал тот, кто получал простое большинство голосов. При их равенстве у нескольких кандидатов объявлялся второй этап. Если и на нем победитель не определялся, два кандидата с наибольшими голосами в третьем туре оспаривали первенство между собой.

Огласив имя победителя, тамада от имени всех сельчан поздравлял его с избранием. В ответной речи он благодарил сельчан за доверие и прилюдно давал обещание честно и добросовестно исполнять возложенные на него обязанности. Интересно, что в источниках по обычному

праву чеченцев нами не было обнаружено каких-либо сведений, указывающих на приведение его к присяге при вступлении в должность или ограничении срока его пребывания в ней. Данный факт является свидетельством тому, что Іултиеш исполнял свои обязанности, пока его поведение не выходило за рамки установленных адатом норм права.

Требования, предъявляемые к ним, принципиально отличались от тех, которые предъявлялись к лицам, занимавшим аналогичные должности. Это было связано с тем, что функции Іултиеш были более широки, так как, помимо прочего, в его обязанности входил сбор с аульчан ежемесячный денежной платы за выпас скота в счет оплаты услуг пастуха. В этом его миссия частично походила на работу сборщика налогов, что косвенно указывает на наличие в чеченском обществе атрибутов фискальной службы, подконтрольной местной власти.

Учитывая, что концентрация крупных денежных сумм, собранных за выпас скота в руках одного человека возлагала на него ответственность за их сохранность, лица, ранее уличенные в финансовых махинациях или в иных правонарушениях, не рассматривались в качестве приемлемых на замещение этой должности, т. е. кандидат в Іултиеш должен был быть кристально чистым, честным и добросовестным человеком, обладающим многими положительными качествами.

Получив право на исполнение своих договорных обязанностей, патрон начинал поиск пастуха и чабана. На первый взгляд может показаться, что дело это нехитрое, но на практике все обстояло совсем иначе. Конечно, для опытного Іултиеш поиск пастуха или чабана не представлял большого труда, ведь как профессионал своего дела он всегда имел информацию о «кадровых резервах» как в самой Чечне, так и в приграничных с ней территориях Грузии и Дагестана, что заметно облегчало их поиск.

Найдя подходящую кандидатуру пастыря и предварительно обговорив с ним условия договора, Іултиеш представлял его сельскому сходу. Иногда вместе с ним рассматривалась и кандидатура подпаска. После прохождения согласительных процедур между сторонами и оговорки ежемесячной таксы за выпас одной единицы крупного рогатого скота стороны уточняли условия по выпасу мелкого рогатого скота, а также права и обязанности пастуха и его подпаска. Важным требованием договора найма было наличие не менее двух поручителей со стороны пастуха. Их отсутствие делало договор ничтожным.

Существенным аспектом договора найма пастуха была его финансовая составляющая, точнее форма и способ оплаты его труда. Анализ научных публикаций на эту тему выявил, что у чеченцев оплата труда наемных работников, в нашем случае, – пастуха и подпаска, – производилась как в натуральной, так и в денежной форме. В качестве натуральной платы в Чечне с давних времен применялось «зерно и соль» [4, с. 59].

Пастушьи выплаты всегда устанавливались из расчета за одну голову крупного рогатого скота, а за мелкий рогатый скот выпасная такса производилась по иной договоренности. Материалы полевой этнографии показывают, что в Чечне до Октябрьской революции в качестве расчетной меры за выпас коз и овец применялась часть приплода. Например, в селах предгорной части Грозненского и Урус-Мартановского районов «жаІу» [5, с. 749] получал по три ягненка за каждый месяц выпаса.

В 30-х годах прошлого века на смену натуральной пришла денежная форма оплаты, что, по нашему мнению, было связано с экономической стабильностью в СССР и укреплением денежной системы страны. Полевые материалы показывают, что в горных и равнинных районах ЧИАССР до депортации чеченцев и ингушей месяц выпаса одной единицы крупного рогатого скота (КРС) стоил три рубля в денежных знаках образца 1937 г. С восстановлением Республики в 1956 г. и вплоть до денежной реформы 1961 г. тариф снизился до одного рубля в денежных знаках образца 1947 года. После денежной реформы 1961 года и до середины 70-х годов XX века стоимость выпаса оставалась незыблемой и по-прежнему равнялась одному рублю. С конца 80-х годов прошлого века, в связи с инфляционными процессами в советской экономике и изменениями ценовой политики государства, стоимость выпаса скота вновь повысилась до трех рублей за голову, а к моменту распада СССР достигла пяти.

Данный статистический расклад выявил довольно любопытный факт. Оказалось, что в Чечне всегда существовала строго фиксированная цена на выпас одной единицы крупного рогатого скота, которая после очередной денежной реформы приравнивалась к стоимости одного килограмма парной говядины.

Важным пунктом договора найма является дата его вступления в силу. В нашем случае отчет времени начинался с момента одобрения сельчанами предложенной патроном кандидатуры пастуха и его подпаска.

При рассмотрении вопроса о форме договора мы установили, что его письменное оформление ни горные, ни плоскостные чеченцы не практиковали. Анализ показал, что практически во всех исторических областях Чечни основным видом контракта на выпас крупного и мелкого рогатого скота с частного подворья был «вербальный договор» [6, с. 7], представлявший собой «сложную процедуру, гарантировавшую высокую степень правовой защиты отношений, важнейшим видом которой являлась стипуляция» [7, с. 809].

Достижение соглашения давало пастуху и подпаску право приступить к исполнению своих обязательств, но, если с обязанностями пастуха все было ясно еще вначале, этого нельзя было сказать о его патроне, так как круг его обязанностей был намного шире. В первую очередь он должен был найти для пастуха, подпаска и членов их семей временное жилье на период выпасного сезона, завершающегося с первыми заморозками.

Со слов известного чеченского писателя Мусы Бексултанова, их семья по возвращении из Казахстана в 60-х годах XX в. осела в горах и владела по тем временам внушительным стадом крупного и мелкого рогатого скота. Из-за нехватки рабочих рук их отцу часто приходилось нанимать пастухов из соседних республик Кавказа. Как ему помнится, важным условием договора найма становилось их обустройство. Раньше, как пояснил Муса Эльмурзаевич, пастуху и его домочадцам сооружали «бун» [3, с. 146] – жилье в виде шалаша или балагана. Традиционно строить балаган на частной земле не полагалось, поэтому его сооружали на окраине села, т. е. на общественной земле. В советский период, в связи с коллективизацией и переходом сельских земель под юрисдикцию колхозов, балаган размещали на колхозной земле, а в совхозах и госхозах – на государственной.

В наше время, продолжил он, ввиду отсутствия дефицита жилья в селах и особенно с 80-х годов XX в., когда большая часть населения ЧИАССР по весне уезжала на заработки в отдаленные регионы СССР, ситуация с жильем в республике до глубокой осени заметно облегчалась. С этих пор повелось так, что пастухи стали снимать дома в частном секторе, оплачивая за жилье и коммунальные услуги, ведь их юридическое право на заключение договоров найма и иных сделок никем не отменялось. Правда, в этом случае с патрона снималась ответственность за обустройство их быта, но не за обеспечение их личной безопасности, возлагавшаяся по адату в первую очередь на Іултиеш, во-вторых, – на хозяина домовладения, а в-третьих, – и на все село. Если пастуха подселяли в частный дом, Іултиеш с позволения домовладельца, на заднем дворе оборудовал отдельную калитку, через которую семья пастуха могла без помех хозяевам общаться с местными жителями и принимать гостей.

Часто пастуший надсмотрщик поселял пастуха у себя в доме, заключив с ним договор на выпас его скота взамен квартплаты. На тех же условиях он мог подселить его и в любой другой двор при согласии на то обеих сторон.

С решением жилищного вопроса пастуха, подпаска и их семей первый этап механизма по запуску выпаса скота завершался. На следующем этапе Іултеш путем подворного обхода составлял список скотовладельцев с указанием количества скота в их подворье, после чего выявлял тех, кто желал отогнать его в «баж», численность которого Іултиеш согласовывал с пастухом. Раньше эта процедура велась лишь для учета количества выпасаемого скота с целью определения денежной суммы, необходимой для ежемесячной оплаты труда пастуха путем умножения таксы на общее поголовье скота. Ныне эта мера необходима также в целях плановой вакцинации скота и предотвращения эпизоотии [8, с. 903].

На этом фактически завершался процесс найма пастуха и организация выпаса скота. Ближайшей задачей патрона становилось ведение ежедневного графика обеспечения пастушьей бригады обедом за счет скотовладельцев, а также рассмотрение жалоб и замечаний, по поводу соблюдения договора как владельцами скота, так и пастухом.

Важной обязанностью Іултиеш было установление причин пропажи, гибели или увечья скота по вине пастуха и возмещение убытка потерпевшим. Об этих фактах Іултиеш обычно узнавал вечером, когда по долгу службы он принимал переданный утром пастуху гурт или отару.

В случае временной нетрудоспособности пастуха или иной причины неспособности исполнения им договора найма передача гурта подпаску без его согласия не разрешалась, так как он не являлся стороной договора.

Место приёма и сдачи стада устанавливал Іултиеш с учетом пожелания скотовладельцев, обычно это происходило на окраине сельского поселения. Все жалобы и замечания сторон разбирались оперативно, здесь же.

Не менее важной частью организации скотовыпаса была оплата труда Іултиеш, которая должна была производиться в конце каждого месяца за счет взносов владельцев скота. Сумма его вознаграждения обычно определялась на сходе села по его назначении. В основном это была

строго фиксированная сумма, взимаемая только с тех скотовладельцев, что были внесены патроном в список. Взнос не зависел от количества скота в подворье, а являлся платой за исполнение общественной должности Іултеш.

Нередко сбор пастушьих денег сопровождался перебранкой и ссорами между Іултеш и скотовладельцами, беспричинно отказывавшимися платить условленную цену. Изредка бывало, что взаимные оскорбления переходили в серьезную драку. Однако, при первом же поступлении сигнала о такого рода фактах хулиганства, старейшины вызывали отказника для разбирательства на пхоьгІа. Учитывая практику подобных происшествий, в их арсенале имелись весьма действенные рычаги и методы воздействия в отношении нарушителей общественного спокойствия. Однако, прежде чем наказать провинившегося, къаной (старейшины) проводили с ним разъяснительную беседу, в ходе которой указывали ему на недопустимость повторения аналогичного поступка. Если вопреки их увещеваниям он вместо переосмысления своего деяния совершал рецидив, в отношении его и его семьи принимались жесткие меры экономического и морально-психологического воздействия, доходившие иногда до остракизма [9, с. 335].

Нужно признать, что иногда основанием для разборок и причиной серьезных недоразумений бывало нечистоплотное поведение самого Іултеш. К примеру, в беседе с одним из информаторов* нам стало известно о бытовании фактов присвоения патроном денег, собранных для оплаты труда пастуха. Такие случаи становились достоянием общественности лишь после одностороннего отказа пастухом выполнять взятые на себя обязательства. Кроме того, предметом забастовки пастуха могла быть задержка оплаты его труда, увеличение поголовья скота без согласования дополнительной оплаты с пастухом, перебои с питанием и т.д. Если протест пастуха оставался без внимания местной общины и его главы, он имел право обратиться в местный адатный суд, который не только выносил справедливое решение, но и имел специальный корпус судебных приставов, именуемых кхелахой, которые обеспечивали исполнение приговоров суда.

Примечательно, что, несмотря на вербальный характер договора найма пастуха, адатные суды Чечни беспрепятственно принимали и рассматривали устные заявления граждан и выносили по ним решения, в отличие от светских судов, не рассматривающих такие иски. По желанию истца их решения могли носить как письменный, так и устный характер.

Согласно адату, если истец после возмещения ему в судебном порядке причитающейся суммы денег не изъявил желания продолжать выполнение договора по выпасу, адатный суд не имел права настаивать на выполнении им ранее взятых договорных обязательств. Это было связано с тем, что суд не мог гарантировать истцу должное исполнение договора в будущем.

Разрыв договора на выпас скота в разгар выпасного сезона создавал для скотовладельцев массу неудобств, связанных с поиском нового пастуха. В летний период эта задача была крайне сложна ввиду отсутствия на рынке труда свободных пастухов. Но даже если они и находили его, для сельчан это было чревато непредвиденными расходами, ибо нанимаемый пастух, будучи осведомленным о причине расторжения договора своим предшественником, ставил перед селом более жесткие условия договора, нередко принимаемые общиной от безысходности.

Таковы основные черты и особенности правового статуса Іултеш в обычном праве чеченцев.

Завершая свои изыскания, мне бы хотелось подытожить сказанное и изложить некоторые выводы данного исследования.

Во-первых, положительным итогом нашего исследования, несомненно, можно считать пополнение социальной терминологии чеченцев еще одной, практически забытой, лексической единицей, отражающей важнейшую сторону социально-экономической жизни чеченского общества.

Во-вторых, традиционная правовая система чеченцев пополнилась еще одним юридическим термином, так как Іултеш с точки зрения права есть «выборное должностное лицо местного самоуправления, избранное населением непосредственно, … наделенное полномочиями на решение вопросов местного значения» [7, с. 133].

В-третьих, наличие выборной и оплачиваемой должности в сельских поселениях Чечни лишний раз доказывает высокую степень общественного развития чеченцев и их национального права.

В-четвертых, опыт прошлого по оперативному решению вопросов местного самоуправления первого уровня, в том числе и по теме нашего исследования, имеет важное практическое значение в деле реформирования местной власти в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

---

* Алиева Бахита Абдулрахмановна, 05.06.1940 года рождения, уроженка с. Башан-кали, Советского района, ЧИАССР, тайп чІинхо, образование начальное.

Недостаток теоретических положений в трудах многих современных исследователей, затрагивающих вопросы социальной структуры чеченского общества, и механизмов взаимодействия ее элементов, заключается в том, что они слабо подкреплены конкретными практическими данными. Поэтому считаю более перспективной работу с полевыми материалами, которые еще можно получить от старожилов. Такая работа окажет действенную помощь также и филологам в фиксации полузабытых чеченских слов и терминов, практически уже вышедших из обращения.

Литература

1. Антология памятников права народов Кавказа. Т. 13. Памятники права чеченского народа. Ростов-на-Дону: Редакционно-издательский центр Южно-Российского института управления – филиала РАНХ и ГС. 2014. 864 с.
2. БСЭ. Т. 51. М.: «Советская энциклопедия». 1958. 460 с.
3. *Вагапов А.Д*. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси. Изд. «Меридиани», 2011. 734 с.
4. *Сайдумов Д.Х.* Обычное право чеченцев. Дис…канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. 208 с.
5. Русско-чеченский словарь. М.: Academia, 2005. 782 с.
6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VI. СПб. 1894. 502 с.
7. *Барихин А.Б.* Большая юридическая энциклопедия. М.: Книжный мир. 2010. 960 с.
8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XL[A]. СПб., 1904. 1954 с.
9. БСЭ. Т. 31. М.: «Большая советская энциклопедия». 1955. 648 с.

***Khabaev Ibrahim Dagaevich*,** Senior Lecturer, Department of Legal Disciplines, Chechen State Pedagogical University (86, Vozdvizhenskaya St., Grozny, 364029, Russian Federation).
E-mail: ibragim_habaev@mail.ru

LEGAL STATUS «IULTESH» IN CUSTOMARY LAW BY CHECHENS

Abstract

This publication examines the legal status of a patron of shepherds denoted by Chechens in customary law, the term «Iultesh», discovered by employees of the Scientific and Educational Center for Nakh Studies of ChSPU during the collection of field materials from residents of s. Bashan-Kali, Itum-Kalinsky District, Chechen Republic. The author, analyzing the collected material, came to the conclusion that with this social and legal term the residents of the Galanchogsky, Shatoisky, Sharoysky and Itum-Kalinsky districts of the Chechen Republic designated an elected and paid position of a shepherd's patron.

Key words: *Chechens, customary law, council of elders, adates, elections, toastmaster, patron, shepherd, contract of employment, legal terminology.*

References

1. Antologiya pamyatnikov prava narodov Kavkaza. T. 13. Pamyatniki prava chechenskogo naroda. Rostov-na-Donu: Redakcionno-izdatel'skij centr YUzhno-Rossijskogo instituta upravleniya – filiala RANH i GS. 2014. 864 s.
2. BSE. T. 51. M.: «Sovetskaya enciklopediya». 1958. 460 s.
3. Vagapov A.D. Etimologicheskij slovar' chechenskogo yazyka. Tbilisi. Izd. «Meridiani», 2011. 734 s.
4. Sajdumov D.H. Obychnoe pravo chechencev. Dis…kand. yurid. nauk. Mahachkala, 2006. 208 s.
5. Russko-chechenskij slovar'. M.: Academia, 2005. 782 s.
6. Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. T. VI. SPb. 1894. 502 s.
7. Barihin A.B. Bol'shaya yuridicheskaya enciklopediya. M.: Knizhnyj mir. 2010. 960 s.
8. Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. T. XLA. SPb., 1904. 954 s.
9. BSE. T. 31. M.: «Bol'shaya sovetskaya enciklopediya». 1955. 648 s.